

языка. Вероятно, это явление связано с перестройкой системы локативных падежей — с общей тенденцией к увеличению числа внешнеместных падежей. Появление внешнеместных падежей позволяет языку более экономно выразить направление действия по поверхности предмета» (с. 137).

Авторы учебного пособия убедительно доказывают ошибочность подобного мнения тем, что послелоги с основой *выл-* в говорах северного наречия сохранились в первичном виде, например, *пызан вылын* (южн. *пызанвын*) 'на столе', *пызан выльсь* (южн. *пызанвись*) 'со стола' и т. д. Во-вторых, в южном наречии послелоги в неразрушенном виде хотя и встречаются реже, но все же бытуют, например, в нердвинском диалекте, а также имеются полуразрушенные формы, сохраняю-

щие явные черты послелогов и связь с основой *выл-* (с. 10). Авторы пособия объясняют переход послелогов в падежные окончания фонетическими причинами: выпадением губно-губного *v* между гласными в середине слова, в том числе и послелогов (с. 15). Это верное положение подтверждается известной фонетической закономерностью коми-пермяцких говоров относительно выпадения *v*: *ме ои 'я жил' (< олі, ови)*.

В целом книга А. С. Кривошековой-Гантман и Л. П. Ратеговой «Коми-пермяцкие говоры» представляет собой не только сборник упражнений по диалектологии для студентов вуза, но и новый шаг в исследовании нерешенных проблем коми языкознания.

Е. А. ИГУШЕВ, В. А. ЛЯШЕВ

(Сыктывкар)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.3.17>

Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Отв. ред. А. К. Матвеев, Свердловск 1978 (Уральский гос. университет им. А. М. Горького). 193 с.

Этимологические исследования. Отв. ред. А. К. Матвеев, Свердловск 1981 (Уральский гос. университет им. А. М. Горького). 173 с.

Вот уже два десятилетия (1962—1981) Уральский университет регулярно выпускает сборники «Вопросы топониматики» («Вопросы ономастики»), содержащие целый ряд серьезных статей по финно-угроведению, топонимике, языковым контактам, по истории русского языка и диалектологии (см. СФУ XIII 1977, с. 221—223). Недавно Уральский университет начал издавать новую серию — «Этимологические исследования», которая уже нашла отклик у широкого круга специалистов, интересующихся проблемами этимологии. Первые два сборника имеют весьма широкую тематику. Наряду с работами из области реконструкции и этимологизации лексического фонда русского языка, в них опубликованы материалы по топонимике, по взаимодействию и взаимовлиянию русского и отдельных финно-угорских языков.

В данной рецензии остановимся лишь на статьях, которые в той или иной мере затрагивают финно-угроведческие проблемы. Объединяет эти статьи стремление авторов ввести в научный оборот материалы, извлеченные из картотеки Север-

но-русской топонимической экспедиции Уральского университета, а также из различных словарей.

Так, в статье О. В. Вострикова «Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (*сорьез, тохта, шохра*)» (с. 45—53) затрагивается проблема финно-угорского субстрата в слабоизученных костромских говорах. Автор подвергает тщательному фонетическому и семантическому анализу три субстратных слова: *сорьез* 'хариус', *тохта* 'гнилое дерево, гнилая сердцевина' и *шохра* 'гнилой, низкорослый лес на болоте' и относит их к наследию северно-финских языков, которые, по мнению А. К. Матвеева, занимали промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамским и волжско-финскими языками (А. К. Матвеев, Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ 1969, № 5, с. 51—52).

А. К. Матвеев в статье «Русск. диал. *чильма*» (с. 54—61) уточняет семантику *чильма* 'глубокая яма (окно) на болоте, поверхность которой может быть водяной

или моховой; топкое место на болоте, трясина' (с. 54—61), устанавливает зону его распространения и считает данную лексему саамского происхождения. Слово *чильма*, по его мнению, — термин-метафора: глаз (часть тела) → глаз, окно в болоте (географический объект), ср. саам. кильд. *t'sälme*, йок. *t'sälme* 'глаз'. Автор пишет, что параллельное употребление терминов в двух терминологических сферах (анатомической и географической) — явление универсальное. Оно широко встречается в финно-угорских языках, напр., фин. *silmä* и *silmäke*, *silmänne* 'окно в болоте', вепс. *silm* 'глаз' и *silmähtē* 'окно в болоте', коми *син* 'глаз' и *мысин* 'окно в болоте, трясина'.

В небольшой статье Л. Г. Гусевой «К этимологии русских диалектных слов с начальными компонентами *rap-* и *rop-*» (с. 62—65) анализируются лексемы с общим значением 'густые заросли мелкого леса, кустарника' и этимологизируются они на основе прибалтийско-финских и саамских данных.

Статья Л. А. Субботиной «Займствованная лексика в русских говорах Прикамья» (с. 66—78) содержит историко-этимологический анализ лексических заимствований из прибалтийско-финских и саамского языков в русских говорах Вологодской области. Русское население данной территории долгое время находилось в контакте с белозерской чюдью. В результате этого субстратные включения из финских языков в диалектной лексике Прикамья довольно значительны (19 лексем).

В статье Т. Н. Чайко «Новые данные об обско-угорских заимствованиях в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша» (с. 79—91) на солидном диалектном фоне дается подробный этимологический анализ русских диалектных слов обско-угорского происхождения, прежде всего, заимствованных из хантыйского языка (13 лексем).

Почти половину сборника занимает статья Г. В. Глининых «Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде» (с. 109—179), которая фактически представляет собой материалы для этимологического словаря мансийских топонимов. В статье все названия расположены в алфавитном порядке и основы их интерпретируются на базе различных ман-

сийских диалектов. Трудности, возникшие при этимологизации мансийских субстратных топонимов, связаны с тем, что в прошлом мансийский язык бассейна р. Тавды распался на ряд диалектов, между которыми существовали довольно большие фонетические и лексические различия. Автору при этимологизации приходилось учитывать не только адаптационные процессы на русской почве, но и диалектные черты языка-источника.

Второй выпуск начинается обширной статьей О. В. Вострикова «Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья» (с. 3—45). Под Волго-Двинским междуречьем автор понимает территорию, заключенную между верхним течением Волги и Сухоной — главным верхним притоком Северной Двины. Данная территория первоначально была занята финно-угорским населением, в частности летописной мерей и чудью. В русских говорах Волго-Двинского междуречья выделяются прибалтийско-финские, саамские, пермские заимствования, а также субстратные включения, восходящие к вымершим финно-угорским языкам. Всего рассмотрено 78 слов с фонетическими вариантами, даны их этимологии.

Статья А. С. Кривошековой-Гантман «Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья» (с. 46—62) посвящена анализу около 70 нарицательных слов коми-пермяцкого происхождения в некоторых русских говорах бассейна Камы. Многие из них в научной литературе фигурируют впервые.

Небольшая статья «Две этимологии» (с. 63—65) А. К. Матвеева посвящена двум русским диалектным словам: *тиха* 'старница' и *шихан* 'круглый холм; вершина горы'. Возможным этимологом диалектизма *тиха* автор считает какое-то прибалтийско-финское слово со значением 'пруд; небольшое озеро; яма с водой' (ср. фин. *tiikki*, *tiiki*, эст. *tiik*, ген. *tiigi*, лив. *dīķ*'), восходящее к германским источникам.

Интересна статья М. Э. Рут «К этимологии севернорусск. *тярега*, *кярега*, *нидега*, *инега*, *корегга*» (с. 66—68). У названных слов одно значение 'полоска коры, лыка или жести, прикрепляющая лезвие косы к ее ручке', по мнению автора, все они имеют вепсское происхождение.

В статье С. М. Стрельникова «Этимологии некоторых жгонских слов» (с. 69—72) проанализирована лексика жгонского условного языка, которым некогда пользовались костромские и нижегородские отходники-шерстобиты. В составе этого ремесленно-торгового жаргона выявлено много финно-угорских, тюркских и других заимствований. В статье приводятся девять новых лексических единиц в жгонском аргю, которые автор

считает заимствованиями из удмуртского и марийского языков.

В двух выпусках сборника опубликовано 29 статей, из них 11 имеют финно-угорскую тематику. Новое издание Уральского университета вводит в этимологическую практику большой фактический материал в добротной научной обработке и безусловно завоевывает популярность как среди русистов, так и среди финно-угроведов.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

Х. М. Саари, Анализ принципов эстонской терминологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Таллин 1981.

20 января 1982 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации старшим научным сотрудником Института языка и литературы АН ЭССР Х. Саари по теме «Анализ принципов эстонской терминологии». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук С. Казепалу (Тарту).

Эстонский литературный язык имеет вековые традиции, чего нельзя сказать о языке науки и техники как его подъязыке. К организованному и систематическому созданию эстонской терминологии, призванной обслуживать разные отрасли науки, приступили лишь в начале этого века. По сравнению с финнами, которые сумели сформировать терминологию основных специальностей уже в прошлом веке, отставание в тот период было весьма заметным. Современное состояние эстонского языка науки и техники характеризует наличие множества терминологических словарей, лексика которых активно употребляется как в специальной литературе, так и в вузовском преподавании на родном языке. Однако поскольку терминологии любой отрасли науки, как и общенародному языку, свойствен постоянный процесс обновления, терминовтворчество, если оно хочет отвечать требованиям современности, должно базироваться на определенных принципах. До сих пор это в той или иной мере осозна-

валось, но детальный анализ принципов эстонской терминологии впервые сделан в рассматриваемой работе.

Исследование Х. Саари «Анализ принципов эстонской терминологии» (216 машинописных страниц) состоит из введения, двух глав, заключения, приложений и списка литературы.

Из введения выясняется, что автор долгие годы занимается проблемами эстонской терминологии, о чем свидетельствует и приложенный к работе перечень его трудов периода 1963—1981 годов. Точно определены цель многогранного исследования и то, что составляет его основную новизну. Х. Саари предложил ряд новых решений по таким существенным проблемам, как лингвистическая сущность научно-технического термина и его положение среди прочих единиц языка науки и техники (с учетом особенностей структуры эстонского языка); роль дефиниций и толкований иных типов в терминологии; сущность точности терминов; отношения термина, терминологического поля (терминосистемы) и конситуации; лингвистическая суть способов достижения компактности (синтаксической компрессии) единиц эстонского литературного языка, в том числе терминов (соответствующие явления диссертант обобщает при помощи понятия «полисинтетизм»); проблематика частей речи и словообразования по гнездам в эстонской терминологии; отношение терминологических списков к действительному составу терминосистем разных специальностей; характер синонимии в языке науки и техники с учетом грамматико-